

При покойном императоре, ослеплённом жаждой бессмертия и забросившем государственные дела, вся власть сосредоточилась в руках наследного принца и главного советника. Наследный принц отличался прилежанием, но его стараниям не хватало истинного величия, а потому основная тяжесть государственной ноши легла на плечи Шэнь Чжиюя.

В глазах народа канцлер Шэнь обладал куда большим величием, нежели сам Сын Неба.

Видя, как безжалостно обходятся с канцлером государства, — куда хуже, чем с последним каторжником, — простой люд не только содрогался от жалости, но и впервые по-настоящему осознал ужас безвластия, крушения престола Великой Чу и воцарения чужаков.

Настали смутные времена: потяни за одну нить — и содрогнётся вся Поднебесная. Никому уже не отсидеться в тихой гавани, а если кому и казалось, что буря обойдёт его стороной, то была лишь краткая, обманчивая иллюзия.

Один из воинов Гуйжун, раздражённый медлительностью Шэнь Чжиюя, с силой дёрнул за железную цепь.

— Шевелись! — рявкнул он.

Шэнь Чжиюй не удержался на ногах и упал на колени, протаскиваясь по острым камням. Острый щебень до крови ободрал кожу на локтях и коленях. Из-за скованных кандалами рук он не мог упереться в землю и долго, тщетно силился подняться.

Заметив его беспомощность, варвар из Гуйжуна издевательски расхохотался.

— Что же вы, господин канцлер? — глумливо бросил он. — Вы ведь замыслили цареубийство! Так чего же разлеглись в грязи? А ну, вставайте!

Каждый раз, когда Шэнь Чжиюй с трудом пытался разогнуть спину, этот мерзавец нарочно рвал цепь на себя, заставляя его снова и снова валиться на землю.

— Да сколько можно над ним издеваться!.. — выкрикнул кто-то из толпы.

Один молодой парень, не выдержав этого зрелища, рванул вперёд, чтобы помочь Шэнь Чжиюю подняться. Но караульный Гуйжун мгновенно выхватил из ножен клинок. Холодная сталь зловеще сверкнула на солнце, и юноша, испуганно сглотнув, попятился назад.

Шэнь Чжиюя волоком дотащили до середины судилища. Один из конвоиров грубо пнул его под колени. Шэнь Чжиюй глухо, болезненно застонал — впервые за всё время. Услышав этот звук,

варвар вдруг растерялся: его глаза под кожаной маской невольно метнулись к помосту, где восседал их повелитель.

Юань Чэ сидел развалившись, закинув длинные ноги на край стола. Поверх лёгкого доспеха на его плечи была небрежно наброшена иссиня-чёрная меховая мантия. Его глаза, тёмные и бездонные, как ночная мгла, внушали леденящий ужас. Рядом с хозяином застыл огромный чёрный вожак волков.

Одно лишь присутствие этого человека лишало воли. Сидевший поодаль князь Ли и замершая внизу толпа не смели даже поднять глаз.

Над площадью повисло мёртвое безмолвие. Пока Юань Чэ хранил молчание, никто не решался вымолвить ни слова. Время тянулось томительно и вязко. Прошло несколько долгих минут, прежде чем крупная капля пота скатилась по бледному виску Шэнь Чжиюя и глухо стукнулась о пыльные камни.

— Читай, — сухо бросил Юань Чэ.

Один из командиров Гуйжун зычно зачитал обвинение:

— Государственный преступник Шэнь Чжиюй! Ты вступил в сговор с мятежным князем-вассалом, бежал под покровительство царства Ли и подстрекал местное войско совершить вероломное нападение на силы Гуйжун. Признаёшь ли ты свою вину?

Шэнь Чжиюй даже не дрогнул, а вот сидевший на помосте князь Ли едва не подпрыгнул от страха.

Ли Чжань нервно заёрзал в кресле, торопливо вытирая рукавом выступивший на лбу холодный пот. Заискивающе улыбаясь, он поспешил вмешаться:

— Ваше Величество, войска царства Ли... это вышло совершенно случайно...

— Князь Ли, — Юань Чэ даже не повернул головы в его сторону, лишь лениво прикрыл глаза.
— Ты что же, вздумал указывать мне?

— Ни в коем случае, Ваше Величество! Ваш ничтожный слуга не смеет... — Ли Чжань затрясся всем телом.

Юань Чэ глухо, угрожающе рассмеялся.

— Ты-то не смеешь, — проговорил он, медленно опуская ноги со стола и подаваясь вперёд. Он оперся локтями о колени, словно хищник перед броском, нависая над стоящим на коленях

Шэнь Чжиюем. — А вот кое-кто очень даже горазд. Шэнь Чжиюй, я задал тебе вопрос. Или ты внезапно лишился дара речи?

"Именно так. Всё идёт в точности как надо"

Шэнь Чжиюй опустил голову ещё ниже, пряча едва заметную усмешку, тронувшую его губы.

Страх трусливого Ли-вана, деспотичное высокомерие Юань Чэ, его собственное жалкое положение и праведный гнев, закипающий в сердцах простых людей, — все фигуры на доске заняли предписанные им места. Спектакль разыгрывался как по нотам. Настало время для его сольной партии.

Шэнь Чжиюй искусно задрожал всем телом, плечи его понуро опустились.

— Ваш ничтожный слуга... виновен... — прерывистым от слёз голосом выдавил он. — Умоляю Ваше Величество... проявите милосердие...

— Простить? — вкрадчиво переспросил Юань Чэ, прищулив тёмные глаза. — Пощади я тебя сегодня, завтра каждый бродяга возмнит, будто может безнаказанно вонзить мне нож в спину.

Шэнь Чжиюй со страхом и отчаянием вскинул голову.

— Прежняя династия пала! — громогласно объявил Юань Чэ, обращаясь к притихшей площади. — И если под моим началом найдутся те, кто тайно лелеет верность былым господам, их ждёт лишь одно наказание — смерть!

Стоило последнему слову слететь с его губ, как палачи Гуйжун безжалостно схватили Шэнь Чжиюя под руки и поволокли к эшафоту. Скрипнул деревянный блок, и сверху спустилась толстая пеньковая верёвка с затянутой петлёй.

Один из варваров накинул петлю на шею Шэнь Чжиюя и резко затянул её. Грубые волокна впились в нежную кожу, заставив его кадык судорожно дёрнуться.

Шэнь Чжиюй отчаянно забился в путах. Шёлковая лента скользнула на дощатый настил и улетела вниз, в толпу. Чёрный водопад волос рассыпался по его плечам, бледное лицо искажилось от нехватки воздуха, а уголки покрасневших глаз повлажнели.

— Отпустите... прошу вас, отпустите меня!.. — хрипел он, пытаясь ползти вперёд, навстречу императору. — Ваше Величество, пощадите... Мой грех велик, я виновен! Умоляю вас, помилуйте...

Палачи грубо рванули его обратно и прижали к настилу. Заметив, что пленник продолжает сопротивляться, один из варваров с силой опустил тяжёлую рукоять меча на его плечо. Раздался глухой удар. Шэнь Чжиюй болезненно вскрикнул и сжался, пряча ушибленное, покрывающееся синевой плечо.

Этот жалобный крик и беззащитный вид сломленного канцлера заставили содрогнуться сердца всех, кто стоял на площади.

Ладони Юань Чэ мгновенно покрылись ледяным потом. Но он не имел права выдать себя ни единым жестом, ни мимолётным проблеском жалости в глазах. Он был вторым кукловодом в этой игре. Переборов себя, Юань Чэ лишь раздражённо махнул рукой.

— Казнить! — зычно выкрикнул стоявший рядом воин Гуйжун.

— Ваше Величество! — взмолился Ли Чжань.

Палач уже готов был натянуть верёвку, когда князь Ли снова бросился на колени. Следом за ним, словно подкошенные колоски, на колени начали падать простые горожане, заполнившие площадь.

Юань Чэ не удостоил их и взглядом, сосредоточив всё внимание на руках палача. Ещё рано. Шэнь Чжиюй строго-настрога запретил ему идти на попятную после первого же прошения трусливого князя. Нужно было выжать из ситуации максимум.

Стоявший у виселицы воин с силой натянул канат, и голова Шэнь Чжиюя закинулась назад, а его тело натянулось струной. От этого зрелища Ли Чжань окончательно потерял голову.

— Ваше Величество, пощадите! — в панике закричал он, с силой ударяясь лбом о каменные плиты.

"Пора!"

Юань Чэ резко вскинул руку, давая знак остановиться. Варвар мгновенно разжал ладони, и Шэнь Чжиюй мешком рухнул обратно на деревянный помост, хрипло ловя ртом воздух.

Юань Чэ судорожно сжал кулаки так, что на его предплечьях вздулись синие вены.

— Князь Ли, — леденящим душу тоном произнёс он. — Ты хоть понимаешь, что сейчас делаешь?

— Ваше Величество, смилуйтесь! — дрожащим, но на удивление звонким голосом заговорил Ли Чжань, в точности повторяя заранее заученные слова. — Канцлер Шэнь действительно

совершил тяжкий проступок. Но Великая Чу сейчас истощена и как никогда нуждается в мудрых мужах! Он осознал свой грех и раскаялся. Прошу вас, даруйте ему возможность искупить вину делом!

Ещё тогда, на тайном пиру, Шэнь Чжияй открыл ему глаза: истинной целью похода Юань Чэ вовсе не было уничтожение или прямое подчинение царства Ли.

"Прошу вас, господин канцлер, объясните подробнее", — недоумевал тогда Ли Чжань.

"Варвары силой оружия захватили разорённую, ослабленную столицу и уселись на трон под улюлюканье своей орды. Но сейчас узурпатор нуждается вовсе не в солдатах, — негромко говорил тогда Шэнь Чжияй. — Ему нужно золото".

"Казна Великой Чу давно пуста. Захватив столицу, он получил лишь голые стены и голодный люд. От них серебра не добьёшься. Под каким бы предлогом он ни пригнал к границам нашего царства свои полчища, истинная цель у него одна — золото".

"Все его грозные речи — не более чем ширма. Предложи ему достаточно щедрый выкуп, и его карающий меч мгновенно вернётся в ножны".

"Но если Ваше Высочество пойдёт на поводу у этого дикаря и отдаст ему золото, разве мы не сделаем его вражескую армию ещё сильнее?" — резонно возразил тогда Чжао Ко.

Шэнь Чжияй задумчиво постучал длинными пальцами по лакированному столу и мягко улыбнулся.

"Вручить ему золото — это полдела. А вот сможет ли он удержать его в руках — совсем другой вопрос".

"Что вы имеете в виду?" — оживился Ли Чжань.

"Любые богатства рано или поздно закончатся, если не знать, как пополнять казну, — пояснил канцлер. — А истинным источником этих богатств всегда остаётся..."

Чжао Ко мгновенно уловил ход его мысли.

"Он не посмеет пойти против простого народа!" — воскликнул он.

Именно простые люди — это костяк и опора Великой Чу. Завоеватель может безнаказанно крушить вассальные княжества, но он ни за что не решится лишиться себя крестьянских рук. Правитель должен помнить: вода способна нести лодку, но она же способна её и поглотить.

"Но как нам заставить простой люд добровольно сделать свой ход в этой партии?" — спросил Ли Чжань.

"Заставим их бояться, — ровным голосом произнёс Шэнь Чжуйю. — Убьём курицу, чтобы испугать обезьян. Пусть народ воочию узрит всю бесчеловечность нового государя. Он жесток: отступишь хоть раз — и даже бывшая слава и народная любовь не уберегут тебя от эшафота. А когда они усвоят этот урок, нам останется лишь задеть их шкурные интересы, и люди сами, без нашей указки, ринутся на защиту. Господин Чжао, раз уж князю Ли суждено сыграть роль великодушного заступника, идущего на унижительные уступки ради спасения ближних, нам тоже нельзя ударить в грязь лицом. Тут-то и настанет ваш черёд".

Страх и желание отступить — естественная человеческая природа. Но когда холодный клинок упирается тебе прямо в горло, не остаётся иного выбора, кроме как дать бой.

Ли Чжань смотрел на возвышающегося над площадью императора-чужака, чувствуя, как по спине пробегают мурашки от восхищения.

"Шэнь Чжуйю... он ведь просчитал Юань Чэ до единого вздоха"

Тем временем Юань Чэ на помосте снова вальяжно откинулся на спинку кресла.

— Князь Ли, — лениво бросил он. — Ты полагаешь, что трёх лет ежегодной дани будет достаточно, чтобы выкупить жизнь государственного изменника? Боюсь, этой цены мало.

Ли Чжань поспешил подхватить наживку:

— Ваше Величество! Моё скромное княжество готово выплатить дань за три года вперёд, а в придачу — отдать плодородные земли за городскими стенами под военные поселения для вашей доблестной армии! Молю вас, сохраните жизнь господину канцлеру! Великая Чу пропадёт без его мудрости!

Эти слова подобно искре подожгли сухой порох. Площадь мгновенно взорвалась яростным гулом.

— Сволочи варварские!..

— Тиран! Не смей трогать канцлера!

— Подавись нашей землёй, пёс-император!..

Десятки воинов Гуйжун мгновенно выхватили клинки из ножен и двинулись на людей. Холодное железо быстро уредило разгорячённую толпу.

Чжао Ко, уловив нужный момент, шагнул вперёд. Настала его минута безупречно разыграть заученную партию.

— Ваше Высочество, умоляю, одумайтесь! — с неподдельным отчаянием в голосе закричал он.
— Пашни за стенами — это житница нашего княжества, они кормят тысячи семей! Если мы отдадим их до последнего клочка дикарям, на что прикажете жить простым людям?!

— Молчать! Что ты понимаешь в великом благе! — гневно прикрикнул на него Ли Чжань. — Земли — дело наживное, а вот потеряй мы канцлера Шэня, саму душу нашего государства, нам уже ничто не поможет!

— Но, Ваше Высочество!..

— Довольно! Слово князя непреклонно.

Их разыгранный как по нотам спор со стороны выглядел столь жертвенно и искренне, что у многих очевидцев к горлу подступил ком.

— Ваше Высочество, мы готовы отдать свои наделы ради спасения господина канцлера! — вдруг выкрикнул кто-то из толпы, падая на колени. — Великая Чу широка и обильна, новые пашни мы как-нибудь поднимем! Но господин Шэнь у нас один-единственный!

Эти люди были далеко не глупы. За громкими речами скрывался простой, суровый расчёт: если сегодня они позволят узурпатору растерзать Шэнь Чжиюя, завтра этот проклятый чужак окончательно уверует в свою безнаказанность. И тогда его окровавленные мечи неизбежно придут за ними самими. Тогда потерей земли дело уже не обойдётся. Пока цел лес, хворост всегда найдётся — главное уберечь саму жизнь.

— Мы тоже согласны, Ваше Высочество!

— Отдадим земли!

— Спасите господина канцлера!..

Голоса один за другим вливались в этот стихийный, яростный хор. Охваченные единым порывом, даже самые сомневающиеся и скупые горожане теперь кричали во всю глотку, требуя спасения своего защитника.

Юань Чэ, выдерживая образ беспощадного тирана до конца, сухо приказал немедленно составить договор. Подписав бумаги прямо на колене, гвардейцы Гуйжун тотчас же двинулись вышвыривать крестьян из пригородных усадеб, прибирая к рукам плодородные угодья.

На губах Юань Чэ заиграла довольная усмешка, словно он сотворил величайшее злодеяние и остался им безмерно горд. Он вальяжно поднялся с кресла и бросил короткий взгляд на палачей, державших Шэнь Чжиюя.

— Забирайте свою дешёвку, — пренебрежительно бросил Юань Чэ.

Солдаты Гуйжун грубо сорвали петлю с шеи Шэнь Чжиюя и отступили назад.

Стоило императору скрыться из виду, как Ли Чжань вместе со стражниками и толпой простолюдинов ринулся к помосту. Князь Ли лично подхватил ослабевшего Шэнь Чжиюя, помогая слугам поднять его на плечи.

— Быстрее! Несите господина канцлера в Резиденцию князя Ли! — надрывно кричал он. — Немедленно пошлите за лучшим лекарем в городе! Скорее!

Простые люди плотным кольцом сопровождали носилки до самых ворот Резиденции князя Ли, выкрикивая слова поддержки:

— Господин канцлер, поправляйтесь! Мы не забудем вашей жертвы!

— Собаки варварские совсем страх потеряли! Земляки, Великая Чу ещё не погибла, мы им покажем!

— Нужно проучить узурпатора!

В мгновение ока резиденция князя Ли оказалась забита взволнованными людьми, а у парадных ворот собралась огромная толпа, бурлящая от гнева и отказывающаяся расходиться по домам.

Шэнь Чжиюй, вопреки своему жалкому виду, почти не пострадал — лишь застарелая травма ноги, полученная несколько дней назад, неприятно ныла от холода и сырости. Стоило тяжёлым створкам ворот захлопнуться, отрезая их от внешнего мира, как его бледное, измученное лицо мгновенно преобразилось, а взгляд стал жёстким и сосредоточенным.

Ли Чжань довольно потирал пухлые ладони, сияя от восторга.

— Каков замысел! Господин канцлер, вы просто гений! Всех обвели вокруг пальца!

Шэнь Чжиюй не спеша растёр покрасневшие от жёсткой пеньки запястья. Его голос звучал ровно и сухо:

— Гнев простого люда — вещь мимолётная. Если мы не направим его в нужное русло прямо

сейчас, через три дня от этой бури не останется и следа. Ближайшие дни я проведу в постели под предлогом тяжёлого недуга. Вся остальная работа теперь целиком ложится на ваши плечи, Ваше Высочество.

— Будьте покойны, я всё устрою! — заверил его Ли Чжань и, воодушевлённый успехом, поспешно удалился раздавать указания.

За закрытыми дверями Резиденции князя Ли царило небывалое оживление: заговорщики наперебой праздновали победу, предвкушая триумф своего замысла. Лишь Чжао Ко безучастно стоял в стороне. Сердце его сжималось от смутного, леденящего предчувствия.

"Всё идёт слишком гладко... Слишком правильно, словно по писаному. Но неужели этот дикарь на троне и впрямь настолько непроходимый глупец?"

Чжао Ко решил незаметно покинуть резиденцию князя Ли. Чтобы не привлекать лишнего внимания, он скользнул в неприметную боковую калитку и отказался от экипажа. Почти полчаса он петлял по глухим переулкам, пока не остановился перед скромным, ничем не примечательным домом в глубине одного из кварталов.

Улица пустовала. Охранявшие ворота слуги на первый взгляд казались обычными дворовыми мальчишками, но их дыхание — невероятно глубокое и размеренное — и цепкие, хищные взгляды выдавали в них первоклассных мастеров боевых искусств, прошедших суровую школу.

Чжао Ко решительно подошёл к дверям.

— Господин у себя? — негромко спросил он.

<http://bllate.org/book/20512/2132200>